

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПСЕВДОНИМЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЕВРОПЕ (1917–1945)» (БОХУМ, 3–5 СЕНТЯБРЯ 2014 Г.)

В рамках трехлетнего международного научно-исследовательского проекта «Словарь псевдонимов русской эмиграции в Европе (1917–1940)», поддержанного Немецким научно-исследовательским обществом (Deutsche Forschungsgemeinschaft), в Семинаре славистики / Институте русской культуры им. Ю. М. Лотмана Рурского университета (Бохум, Германия) состоялась конференция, в которой приняли участие ученые Болгарии, Германии, Грузии, Израиля, Италии, Латвии, Литвы, России, Чехии, Эстонии. В проблемно-тематическом порядке, не совпадающем с хроникальной последовательностью, доклады конференции можно расположить следующим образом: от обсуждения феномена псевдонимов как такового в историческом и теоретическом плане, анализа семантики, функционирования и мотивов использования вымышленных имен, далее к специфике псевдонимов в эмиграции, особенно в периодике русского зарубежья как основном пространстве их применения, и до частных случаев одной страны, одной разновидности периодики, одного издания или автора.

Штефан Шмидт (Бохум) в докладе *К поэтике псевдонима: краткий обзор исследований* очертил историю распро-

странения псевдонимов и их изучения, сообщил результаты наблюдений над многообразными методами конструирования псевдонимов и зависимостью степени их прозрачности от различных видов сокращений, усечений, анаграммирования и т. п. Причины, побуждающие авторов прибегать к псевдонимам, простираются от неудовлетворенности звучанием собственного имени до боязни политического преследования. По мнению докладчика, всякий псевдоним так или иначе связан с настоящим именем его носителя, озабоченного проблемой самоназвания и включенной в нее импликацией личного или творческого пути.

Роман Тименчик (Иерусалим) в докладе *Об эмигрантских «ложноименах»* подчеркнул, что псевдоним – это микротекст, говорящий на разных уровнях текста (звучание, морфология, семантика ассоциаций). В псевдономатике зарубежья отражены общие мотивы эмигрантского этоса; топос самоуменьшения, осложненный агорафобией пришельца, и кризис идентичности, в частности, выражаются в псевдонимах с морфемами негации. Иные аспекты ситуации изгнания выражены псевдонимами, отсылающими к временам расцвета русской культуры, и в явлении

мартиронимов, продлевающих литературную жизнь погибших.

Манфред Шруба (Бохум) в докладе *О функциях псевдонимов (по переписке деятелей русской эмиграции первой волны)* представил широкий спектр мотивировок применения псевдонимов. Среди них – стремление избежать репрессий в СССР или нацистской Германии, нарушение профессиональных стандартов и журналистской этики, литературный розыгрыш, стремление создать впечатление множества и разнообразия сотрудников издания. Докладчик обосновал типологическое отличие псевдонимов, призванных утаивать подлинное имя автора, от псевдонимов, принадлежность которых не составляет тайны. Последние не столько скрывают тождества своих носителей, сколько их множат.

Подтверждения этому нашлись в других докладах, среди прочего и в отдельных положениях доклада Олега Коростелева (Москва) *Литературные маски и критические рубрики в периодике русского Парижа*. Докладчик проследил формирование жанра авторской литературно-критической рубрики, перекочевавшего из прессы России начала XX в. в периодику зарубежья. В эмиграции жанр получил новую жизнь, тем более заметную на фоне подавления проявлений индивидуальности критиков и журналистов в советской России. Развитие литературно-критической рубрики вело к созданию литературной маски (без которой, впрочем, обходились Юлий Айхенвальд или Глеб Струве). Она, с одной стороны, усиливала индивидуальное начало авторской рубрики, с другой – позволяла автору,

растождествляясь с самим собой, создавать особый характер, иную стилистическую идентичность, выносить более суровые приговоры, порой вступая с собою же в полемику. Особенно литературной маски иллюстрировал ряд примеров: в *Последних новостях* Георгий Адамович вел рубрику «Литературные заметки» под своим именем, колонку «Отклики» – под псевдонимом Сизиф, а псевдонимом Пэнгс подписывал хронику «Про все»; в той же газете в 1928–1934 гг. с «Заметками Старого книгоеда» выступал Старый книгоед – Михаил Осоргин, превратившийся затем в Книжника с «Заметками книжника»; под масками Дикс и Д. Лейс в *Звене* выступал Владимир Вейдле; в *Возрождении* много лет велась «Литературная летопись» за подписью Гулливер, которой совместно пользовались Владислав Ходасевич и Нина Берберова.

Татьяна Мегрелишвили (Тбилиси) в докладе *О псевдонимах авторов в грузинской периодике эпохи первой независимости* в широком историческом контексте рассмотрела псевдонимы в русскоязычной периодике Грузии 1919–1921 гг. В докладе сопоставлялись принципы выбора псевдонимов русскоязычными авторами и авторами, выступавшими и в русской периодике, и в печати на грузинском языке. По мнению докладчицы, в выборе и функционировании псевдонимов отразился литературный быт Тифлиса с его выраженным игровым началом. В докладе *Русско-болгарские встречи псевдонимов: две истории* Эмил Димитров (София) отметил, что псевдонимы могут быть своеобразными «окнами» в мир культуры и «ключом» не только к ново-

му пониманию, но и к обретению новой реальности. Доказательством стали два сюжета из истории русской эмиграции в Болгарии. Первый из них – это изданный в 1920 г. в Софии разговорник *Русский в Болгарии*, авторство которого было обозначено «М. и М.». Два «М.» скрыли двух крупных ученых – русско-слависта эмигранта Михаила Попруженко и болгарского фольклориста и историка литературы Михаила Арнаудова; встреча псевдонимов знаменовала встречу языков и культур. Второй сюжет показал, как установление имени скрывшегося под псевдонимом переводчика помогло обнаружить неизвестные или считавшиеся утерянными рукописи Георгия Флоровского.

Татьяна Подгаецка (Прага) в докладе *Русская религиозная и церковная периодика межвоенных лет на территории Чехословакии* связала становление означенной в названии доклада печати с религиозным подъемом в эмиграции, возникновением Русского студенческого христианского движения и деятельностью Братства преподобного Иова Почаевского. Братство, основанное в селе Ладомирова в Словакии, стало крупнейшим церковным издательским центром русского зарубежья, в котором на протяжении двадцати лет выпускались книги, церковные календари, журналы, в том числе для детей и юношества, газета *Православная Карпатская Русь*. Авторы этих изданий нередко использовали свои церковные имена либо образованные от них криптонимы (например, М. В., то есть монахиня Варвара, в миру Вера Суханова).

Людмила Спроге (Рига) обратила внимание на смысловую емкость

и оценочную маркированность имен персонажей и псевдонимов реальных литераторов (доклад *«Прозвища» и «псевдонимы»: о прототипичности романов рижских авторов 1920–1939-х гг.*). Интересный материал для наблюдений в таком аспекте дают, благодаря своим прототипическим основам, романы рижских писательниц Е. А. Кнауф (она же Магнусгофская, Е. М-ая, Е. М.) *Зимние звезды. В глубины математики* (1932) и И. Е. Кутитонской (она же Ирина Раэр, И. Сабурова, С. Тонской и др.) *Корабли Старого Города* (1950).

Доклад Ирины Белобровцевой (Галлинн) *Ветлугин и Булгаков* теме конференции отвечал в части, касающейся Владимира Рындзюна, известного в литературном мире как А. Ветлугин (он же А. В., А. В-н, Дельта). В докладе приведена аргументация в пользу того, что Булгаков, работая над образом генерала Хлудова в пьесе «Бег», не мог не познакомиться если не с книгой Ветлугина *Третья Россия*, то, по меньшей мере, с ее страницами, посвященными прототипу Хлудова – генерал-лейтенанту Якову Слащеву. Сопоставление эссе Булгакова «Грядущие перспективы» и статей Ветлугина «Птицы небесные», «Воронеж», «Юг России», «Освобождение Петрограда» выявило также совпадение взглядов на будущее России осенью 1919 г. оставшегося на родине Булгакова и будущего эмигранта Ветлугина.

В докладе Микелы Вендитти (Неаполь) *Пьесы Б. де Люнея (Бориса Ярхо) в пражском журнале «Воля России»* речь шла о двух пьесах известного московского филолога, опубликованных под псевдонимом в 1924 и 1925 гг. Опи-

сав историю раскрытия псевдонима, его происхождение и многозначную семантику, докладчица уделила особое внимание пьесе «Вид из нашего окошка», представившей в бурлескном и эротическом ключе жизнь накануне грехопадения прародителей Адама и Евы, ангелов и демонов.

Владимир Хазан (Иерусалим) предпринял попытку раскрыть ряд псевдонимов ведущих авторов русско-еврейских еженедельников *Еврейская трибуна* (Париж, 1920–1924) и *Рассвет* (Берлин; Париж, 1922–1934), основываясь на признаках стиливой манеры, интонации, определенного круга тем. В докладе *О некоторых псевдонимах в парижской русско-еврейской печати («Еврейская трибуна», «Рассвет»)* аргументировалась принадлежность известному публицисту и общественному деятелю Борису Миркину-Гецевичу (основной псевдоним Бор. Мирский) материалов в *Еврейской трибуне*, подписанных Miles, Verax, Vindex, Vitalis, Lector. По мнению автора доклада, один из соредкторов *Рассвета* Михаил Берхин, помимо основного псевдонима Бенедиктов, используемого и в русской эмигрантской печати, подписывался также псевдонимами М. Б. и Зар. Другой соредктор того же еженедельника Иосиф Шехтман использовал псевдонимы Ю. Борисов, Ю. Б., Юс, Юст.

В докладе Николая Богомолова (Москва) *Сергей Соколов и Сергей Кречетов, литератор и политик* рассмотрена, с привлечением материалов из российских и зарубежных архивов, литературская и политическая активность Соколова, преимущественно в эмиграции, когда он возглавил (по мне-

нию докладчика, солидаризовавшегося здесь с историком Олегом Будницким, мистифицировал) деятельность «Братства Русской Правды». Разнообразная деятельность героя доклада проходила под разными личинами: как деловой человек он был Соколовым, как литератор – Сергеем Кречетовым, как книгоиздатель – Грифом, а как «Брат № 1» в Братстве (считаемся многими едва ли не наиболее активной организацией второй половины 1920-х гг., борющейся с советской властью) – атаманом Кречетом, сражавшимся с большевиками на их территории.

В докладе Павла Лавринца (Вильнюс) *Гипотетические псевдонимы А. С. Бухова в ковенской газете «Эхо»* обосновывалась принадлежность фактическому редактору и основному автору самой долговечной и содержательной газеты межвоенной Литвы текстов, опубликованных в 1925–1927 гг. под псевдонимами Чужой, Никанор Пташкин, Н. Пташкин, Граф Егор Полулитров, Н. Зайцев, Ф. Зайцев.

По подсчетам Аурики Меймре (Таллинн), свыше четырехсот статей Петра Пильского подписано различными псевдонимами, которых насчитывается более шести десятков. В эстонской печати критик и публицист пользовался, как правило, прозрачными криптонимами, образованными от собственного имени. Часть его псевдонимов можно объединить в группу имен, мотивированных родственными связями (например, Е. Сергеев очевидно связан с именем жены – актрисы Елены Сергеевны Кузнецовой), к которым примыкают «дворянские» псевдонимы (например, Гр. Девиер, по девичьей фамилии ма-

тери). Доклад Меймре *Простачок*, *Е. Сергеев*, *Наблюдатель*, *Питирим Моисеев* – они же *Петр Моисеевич Пильский* также показал, что часть подписей Пильского служит едва ли не образцом гетеронимии: в ревельской газете *Последние известия* «Литературный календарь» подписывался псевдонимом *Писатель*, театральная хроника велась от имени *П. Татрова*, под рубрикой «День» сначала ставилась подпись *Наблюдатель*, позднее – *Петров*. Аналогичным образом *Дмитрий Философов*, как отметил в своем докладе *Олег Коростелев*, в варшавской газете *За свободу!* на политические события откликался как *Иван Посошков*, обзоры печати публиковал как *Nobody*, под псевдонимом *Старый театрал* писал о театре, а с подписью *Невер-мор* – преимущественно о кино.

Готтфрид Кратц (*Мюнстер*) в докладе *Русские псевдонимы Артура Лютера*, напомнив известную часть биографии переводчика, критика и историка русской и немецкой литературы, остановился на деятельности *Лютера* во время Первой мировой войны. В 1915–1918 гг. вышло свыше сотни брошюр серии «Родная речь» для русских военнопленных в германских лагерях, местом издания которых указывалась Москва. В действительности они готовились и печатались в Германии; автором многих из них был *Лютер*, прикрывавшийся псевдонимами *Артемьев*, *Кабанов*, *Орловский* и др. Докладчик проследил путь *Лютера* до 1943 г., когда к нему за советом обращались должностные лица, занятые выпуском другой серии книг на русском языке – для военнопленных Второй мировой войны, с дру-

гими авторами и переводчиками, пишущими под другими псевдонимами.

Борис Равдин (*Рига*) в своем докладе напомнил о том, что во время войны с пропагандистскими службами Германии так или иначе были связаны пять членов Союза писателей СССР, оказавшиеся в плену и на оккупированной территории. Значительная часть псевдонимов, которыми эти и другие писатели пользовались в германской печати на русском языке, еще не раскрыта. Другая часть доклада *Национальный вопрос. Маленькие хитрости коллаборационистской печати. 1941–1945* была посвящена антисемитизму в связи с именами *Ленина*, *Троцкого*, *Свердлова* в германской антисталинской пропаганде.

В докладе *В поисках авторов: о некоторых псевдонимах в коллаборационистской печати* *Олег Будницкий* (*Москва*) предложил коллаборационистские издания и их сотрудников рассматривать как своеобразный мостик между внутренней эмиграцией и русской эмиграцией Второй волны. Основным источником для аргументации связи между внутренней эмиграцией и коллаборационизмом, понудившим с приближением Красной армии покинуть родину, стали *Дневник коллаборантки* *Лидии Осиповой* (*Олимпиада Полякова*) и воспоминания *Владимира Самарина* (*Соколов*), а также другие мемуары, публикации коллаборационистской и эмигрантской периодики, архивные документы, касающиеся, в частности, деятельности *Веры Пирожковой*, *Николая Нарокова* (*Марченко*), *Бориса Филиппова* (*Филистинский*). Оживленную дискуссию вызвали вопросы, насколько

и в каких случаях, во-первых, сотрудничество с оккупационными властями было идейным или вынужденным, и, во-вторых, позволительно ли подходить к *Дневнику коллаборантки* как к документу (по убеждению Б. Равдина, это художественный текст) и в какой мере можно доверять мемуарным текстам.

Иван Толстой (Прага) в докладе *Псевдонимы у микрофона: Радио Свобода и Первая волна русской эмиграции* рассказал о своих поисках настоящего имени многолетнего сотрудника Радио Свобода Николая Горчакова, выдававшего себя сначала за известного московского театрального режиссера, а позднее за другого режиссера и театроведа Александра Волкова. По мнению докладчика, Горчаков сам назвал свое имя в одном из примечаний в своей *Истории советского театра*, выпущенной Издательством имени Чехова в Нью-Йорке (1956), – Н. Соколовский. Толстой отметил, что в 2013 г. на фамилию Соколовского в поисках подлинного имени советского прозаика Эрика Ингобора параллельно вышел литературовед и переводчик Евгений Витковский. Он считал, что Соколовский погиб в лагере военнопленных в 1941 г.; жизнь лже-Горчакова Толстой проследил до 1983 г.

Открывая конференцию, ее главный организатор и руководитель Манфред Шруба напомнил о насущной потребности в словаре псевдонимов русского зарубежья, описал его структуру и кратко представил уже накопившуюся, благодаря общим усилиям участников проекта, базу данных будущего словаря, который стал бы дополнением и продолжением словаря И. Ф. Масанова:

он насчитывает около 5800 опознанных псевдонимов, криптонимов, астеронимов, свыше 3000 неатрибутированных псевдонимов, около 2300 автонимов. Не всегда понятно, где проходит граница между собственно эмигрантскими псевдонимами и псевдонимами советских авторов, тексты которых печатались и перепечатывались за рубежом, – и как быть, например, с сотрудниками *Накануне* или возвращенцами. Другую группу вопросов вызывает коллаборационистская печать оккупированных территорий. С одной стороны, этот феномен принципиально отличается от эмигрантской печати; с другой – среди сотрудников коллаборационистских изданий волей или неволей оказались сотрудники и работники эмигрантских газет. Эти и другие вопросы, связанные с принципами отбора и структурой словаря, механизмами конструирования псевдонимов, способами выяснения их принадлежности, обсуждались и в ходе конференции, и на завершившемся конференции круглом столе.

В дискуссиях, помимо докладчиков, приняли участие Габриэль Суперфин (Бремен) и Николай Плотников (Бохум). Три дня конференции сопровождалась выставкой книг, так или иначе связанных с ее темой: справочно-библиографические и научные издания Национальной библиотеки Чешской Республики, историко-литературный сборник к 80-летию библиографа, коллекционера и исследователя русской книги Льва Турчинского *Тихие песни* (Москва, 2014), очередные 12-й и 13-й выпуски *Балтийского архива* (Таллинн, 2012–2013), сборник статей *Русские Литвы в XX – начале XXI вв.: история, идентичность, память* (Вильнюс,

2013), четырехтомник архивных публикаций под редакцией Олега Коростелева и Манфреда Шрубы *Современные записки (Париж, 1920–1940). Из архива редакции* (Москва, 2011–2014), сборник «Радость ждет сокровенного слова...» (Рига, 2013), содержащий статьи и материалы о псевдонимах, эмигрантской литературе и периодике, книга Олега Коростелева *От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья* (Санкт-Петербург, 2013) и подготовленный им же том статей и рецензий Д. Мирского (Москва, 2014). Презентация этих и других изда-

ний состоялась в продолжение итогового круглого стола.

Конференция в Бохуме получила своего рода медийное завершение. 9 сентября 2014 г. в большой, едва ли не часовой, передаче Ивана Толстого «Поверх барьеров. Эмигрантские маски» сюжетами своих докладов и размышлениями о межвоенной русской эмиграции и ее псевдономастике со слушателями Радио Свобода поделились Манфред Шруба, Олег Коростелев, Олег Будницкий, Роман Тименчик, Николай Богомолов и Ирина Белобровцева (<http://www.svoboda.org/audio/26550197.html>).

Павел Лавринец

Получено: 25 октября 2014 г.

Принято: 3 ноября 2014 г.